

Марианна ВЕРТИНСКАЯ:

Как жить, если не надеяться?..

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

- Вы никогда не хотели переиграть судьбу? Ну хотя бы в воображении? Ведь вы могли родиться в другой стране...

— Мне кажется, вы хотите спросить меня другое — хотела бы я остаться за границей, например, во Франции? Я никогда не думала об этом, но, когда стала ездить туда на долгое время, поняла вот что. Во-первых, если это делать, то делать в молодости, когда все переносится легче. А в молодости мне и в голову не могло прийти уехать, выйти там замуж... Я жила дру- гим.

Сразу после школы, в 17 лет, стала сниматься у Хуциева в картине "Мне двадцать лет". Это был поразительный период в жизни. Хуциев умеет создавать на съемках особую атмосферу, собирать вокруг себя необыкновенных людей. Все молодые, полные сил — Андрон Кончаловский, Андрей Тарковский, Гена Шпаликов, оператор Маргарита Пилихина. И все это завалилось на каких-то товарищеских взаимоотношениях. Съемки были длинные, долго снимались ночные сцены. И все равно не могли расстаться, наговориться, голдные, всей компанией мы шли в ресторан ВТО, потом к кому-нибудь в гости, спорили об искусстве, поэзии. Мы жили, дышали этим воздухом, воздухом Москвы того времени. И я признавала только людей, поглощенных своей профессией. Меня очень держал этот мой круг.

Потом... мой отец... Во Франции я всегда думаю о нем, о его ностальгии по Родине, нежности к России. Он вернулся, прожив вне ее 25 лет, имея блистательную карьеру на Западе. Вернулся в страну, где сажали, понимая свою ответственность перед семьей. И все-таки он вернулся. Конечно, было и разочарование. Почти не давали выступать в Москве и Ленинграде. Гоняли зарабатывать деньги по всем гиблым местам. Он писал горькие письма. И я чувствую сейчас эту его трагичность. И все это в нас с сестрой, хотим мы того или нет.

— Присутствие отца в жизни очень существенно для вас?

— Да, я все время чувствую его взгляд, свою ответственность перед ним. Когда он умер, мы с сестрой были маленькие. И для нас он был просто папуся, папочка, нежный, добрый. Он все нам разрешал, всегда нас баловал. Только много позже мы осознали, какого класса это был человек. Вырастая, мы слушали его записи, рассказы о нем, читали его воспоминания и все больше в него влюблялись. А когда сами стали актрисами, во многом благодаря ему, мы поняли всю сложность этой профессии, ее радости и горести.

Поэтому внутренний диалог с отцом у меня идет постоянно. Мы выросли в женском обществе — две девочки, бабушка, мама. И мне всегда его физически не хватало. Я люблю его токсующей, ревнивой любовью. Были периоды, когда мне было особенно тяжело, и я мчалась к нему на кладбище и там с ним разговаривала. И во всех знакомых и близких мне мужчинах я всегда искала чего-то такого же — доброго, широкого, похожего на моего отца.

— А кроме отца, у вас были еще учителя в жизни, в искусстве?

— Конечно, они были и в Вахтанговском училище, и в театре. Захава, Мансурова, Шлезингер, Симонов. В то время, кстати сказать, училище напоминало немножко пансион благородных девиц. Захавой поставлено было все очень строго. К съемкам в кино относились неодобрительно, считалось, что это отвлекает от учебы. Не разрешалось красить глаза, губы, даже выстригать челку. Поэтому, когда я поступила в училище и меня со съемок Хуциева привозили на мотоцикле, в гриме — все были в шоке. Со мной боролось все училище.

А после его окончания меня очень доброжелательно встречали в театре. Психологического барьера практически не было. Р.Н. Симонов часто бывал у нас дома, мы общались семьями... Школа — это и общение на репетициях, спектаклях с М.Ульяновым, Ю.Борисовой, Ю.Яковлевым, Г.Абрикосовым. Вообще у нас в смысле внутренней атмосферы благополучный театр: никаких премьерских замашек, интриг, сплетен.

— Ну а вне театра?

— Марлен Хуциев. В его режиссуре, работе с актером есть то, что я ценю больше всего, — завораживающая аура, энергетическое воздействие. Он философ, а еще — немного поэт и фантазер, живет своим миром, умеет вглядываться, вслушиваться в жизнь. Ему в ней важно все: как идет дождь, колышутся листья, едет трамвай. И в этой его медлительной созерцательности так много оттенков, нюансов. Он многому меня научил. Я была влюблена в картину и отказывалась от многих предложений. Это был порыв, а не жесткое самоограничение. А все надо было хватать за хвост, может быть, тогда бы моя судьба в искусстве сложилась бы ярче.

— ???

— Я не считаю ее неблагоприятной, но, конечно, я могла бы сделать больше. А почему так получилось, я не знаю. Может быть, потому, что у меня в характере нет напора, хотя я и Лев по гороскопу, извините, Львица. Пробовать я не умею, к сожалению, а может, к счастью. И потому, я не из тех, кто "уперт" только в профессию. Меня интересовали всегда в жизни и дети, и мужчины, и любовь. Я люблю жить. Мне это нравится. Разочарования — это не моя стихия. А вообще, если подумать, каждый человек имеет в результате то, что он заслуживает.

— А что такое вообще — умение жить?

— Это, конечно, умение прощать. Только это дает ощущение гармонии, какой-то внутренний баланс.

— А желание кардинально переменить жизнь, кризис — знакомо ли вам это?

— Как вам сказать. Первое время мне хватало забот. Я снималась, у меня был театр, семья, ребенок. Для женщины это более чем достаточно. А потом, когда я стала сниматься меньше и играть в театре не то, что хотелось, у меня были разные состояния и депрессия в том числе. Тогда, 15 лет назад, мы в театре (Шалевич, Целиковская и я) сделали спектакль по Зошечко, объехали с ним много стран. Это дало какую-то отдушину. А вообще с плохим настроением пытаюсь бороться самовнушением. Заниматься спортом, загонять себя — это не мое. А еще — много читаю, хожу на выставки, благо, моя старшая дочь Саша художница. Встречаюсь с друзьями. Правда, последнее время это

получается все труднее. Друзья обросли детьми, внуками. Да и ситуация за окнами не очень настраивает на вечерние визиты.

— Как вы себя чувствуете в этой изменившейся жизни? Вписаться пытаетесь?

— Нет, я нигде не пытаюсь вписываться и не могу полюбить то, что никогда не любила. Ведь определенная часть моей жизни прошла в другой атмосфере, в другом, если так можно сказать, вероисповедании. Не могу же я, взрослая, сложившаяся женщина, актриса, стать вдруг бизнес-леди? Вообще, надо делать что-то свое, в чем ты профессионал, к чему имеешь склонность. И слава богу, что у меня есть работа, дети (младшая Даша поступила сейчас в Вахтанговское училище), их проблемы.

фото Г. РОВИНСКОГО

— А эту разницу в поколениях вы как-то на своем театре чувствуете?

— Во времена моей молодости мы были более романтичными, лиричными что ли. Существовала такая вещь, как уважение к авторитету, опыту в искусстве. Сейчас более жесткое поколение. И ничего не ценно. И мне кажется, из-за всего этого что-то теряется, уходит.

С другой стороны, есть очень способные ребята, профессионально они на месте. Но сейчас, мне кажется, начинается возврат к эстетике прошлых лет, появилась ностальгия по старым фильмам, песням. И опять эта тяга к Окуджаве. Вообще согласитесь, есть какая-то магия ушедшего советского искусства, его загадочное обаяние. Называйте это, как хотите, но это так. Ведь в человеке заложена потребность в некоторой идеализации жизни, себя самого. У меня есть надежда, что вся пена должна схлынуть. Она несостоятельной окажется даже коммерчески. И вообще, как жить, если не надеяться?

— А что касается театрального авангарда, нет ли внутреннего отторжения?

— Отторжения не вызывает, хотя мне, конечно, ближе традиционный тип театра. Я все-таки воспитана в определенной системе координат. Но через моих девочек я много общаюсь с людьми других поколений, пытаюсь понять их точку зрения. Мне интересно, например, то, что делает в театре Мирзоев, хотя я понимаю, что это совсем другой тип мироощущения.

— Иначе говоря, чувство театрального восторга связано скорее с прошлым?

— Я думаю, так сейчас почти у всех театральных людей. Мне было очень близко искусство Эфроса, я почти все у него видела, снималась в его "Високосном годе". Он в те времена начал работать совершенно по-новому, приблизив этюдный метод к кинематографу. Это был своеобразный импрессионизм. И, конечно, Любимов. С ним связана молодость. Я была на первом курсе училища, а он преподавал на третьем. И первый спектакль будущей Таганки "Добрый человек из Сезуана" создавался у нас на глазах. Все свое свободное от занятий время мы просиживали у него на репетициях. Разве можно это забыть! Предчувствие чего-то необычного...

— Ну а сами-то на сцене сотворить нечто любите? Тянет иногда похулиганить?

— Конечно, особенно в характерных ролях придумать какой-то ход, поворот роли. Это настоящий актерский кайф! Другое дело, что раньше мне хотелось больше дурачиться, пробовать себя в комедийных ролях. В театре я иногда играла каких-то фрось, которые говорили на "о", на "у", на "ы"... А сейчас какой-то другой период — опыт уже есть и сил еще много, и тоска по ролям с сильными переживаниями, убеждениями. Абсолютно неважно: современница — несовременница. Лишь бы была интересная роль. Как последняя моя героиня Лидия в "Варварах" Горького. Удивительно сильный, независимый характер. Человек, переживающий крушение и обретение себя вновь.

— Кажется, эта роль вам особенно близка?

— Да, характер у меня независимый, я не чеховская душечка. Любя человека, я всегда очень трезво его оценивала. Но это не мешало мне страстно любить. Я человек эмоциональный и импульсивный. И вообще — экзальтированная дамочка...

— На первый взгляд, по крайней мере, вы производите впечатление благополучной женщины: в прекрасной форме, замечательные дочки, изящная квартира. А как вы сами себя воспринимаете?

— Благополучная? Этого у меня нет. Все вообще очень относительно. А что это такое, если бы знать...

— А теперь расскажите о "самом главном". Вы вместе уже пять лет. Как это произошло и кто он?

— О, это смешная история! Возвращаюсь как-то с гастролей, а он уже дома. С тяжелым характером попался парень и черной пастью настоящего кокер-спаниэля. А зовут Тимофей. Все!